
РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОДНЕБЕСНОЙ: НАУКА И СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ (заметки приглашенного профессора)

Я хочу поделиться впечатлениями о своей недавней двухнедельной работе в статусе приглашенного профессора в Китайской народной республике, в городе Харбине. Повествование касается некоторых сторон бытовой и учебной жизни студентов одного из крупнейших китайских университетов. Представлены небольшие зарисовки жизни страны и ее народа за пределами университетского городка. Более подробно говорится о вопросах изучения русской литературы, русского языка в Китае.

Лет пятнадцать тому назад мне выпало руководить аспирантом из Китая, из харбинского Института русского языка — одного из многих подразделений Хайлунцзянского университета. На первой встрече порадовала и обнадежила хорошая языковая подготовка Сунь Чао. Тогда же обговорили тему. Молодой человек заявил, что о русской классике у него есть представления, а вот о современной российской словесности — нет, что именно по этой причине он хотел бы работать с произведениями современных авторов. Такой подход мне понравился. За пару месяцев почитали того, другого, третьего современного тогда прозаика, в основном, конечно, рассказы. Решено было остановиться на изучении творчества входившей тогда в известность Л. Улицкой, ее своеобразием «создания характера». Диссертация была защищена в срок, в настоящее время Сунь Чао — достаточно известный на родине ученый, специалист по новейшей русской литературе, профессор, заместитель директора Института русского языка по научной работе.

Связи с бывшим аспирантом не прекращались и после защиты, чему немало способствовала E-mail. Обсуждения, советы, совместные публикации в форме интервью... Пять лет тому назад состоялась поездка в Харбин на большую международную конференцию по вопросам преподавания русской литературы. Конференция проходила на базе Института русского языка. И вот в мае текущего года я получил приглашение из Хайлунцзянского университета приехать в начале июня на две недели в статусе приглашенного профессора — читать лекции, проводить консультации для аспирантов и магистров, выступить на пленарном заседании конференции, посвященной вопросам новейшей литературы в Китае и России. Признаться, первая мысль была — отказаться. Выступать на зарубежной конференции на русском языке перед опытными коллегами, — это относительно просто, но читать лекции по русской литературе на русском языке студентам, пусть и магистрам, не «обкатавшим» язык в России — это настораживало. Конечно, вспомнились наши иностранные студенты, наши китайцы, которые далеко не все понимают из того, что говорится в лекционных аудиториях. В конце концов, приглашающая сторона меня убедила лететь и 4 июня, транзитом через Пекин, спустя годы и проведя около полусуток в воздухе, я снова приземлился в харбинском аэропорту.

В Китае многое поражает грандиозностью, гигантскими размерами. Это касается сооружений и древних (к примеру, императорские покои — это обязательно комплекс зданий, на территории которых запросто расположится не одна наша деревня), и современных. Скажем, на территории пекинского аэропорта вряд ли не расположатся два, а то и три московских аэропорта, огромные терминалы соединяют ветки воздушного метро. Столь же огромен и Хайлунцзянский университет, один из самых известных в Китае, с его интересной историей можно ознакомиться в Интернете. Могу ошибаться, но, как представляется, территорию университета по периметру трудно объехать на машине за один час. Типовые пяти-восьмиэтажные кубы зданий, учебных, общежитий перемежаются с оригинальными зданиями со шпилями. Надо сказать, китайские студенты, даже если их семьи живут в городе расположения учебного заведения, обязаны жить в общежитиях, причем в очень стесненных условиях, по четыре, а то и по восемь человек в комнате с ярусными кроватями. Спросил одного студента, мол, зачем такое правило? Тот улыбнулся — и выразительно потер большим и указательным пальцем... Международный жест: общежития платные. Готовятся к занятиям студенты в учебных корпусах, в библиотеках. Их главный документ — студенческая пластиковая карточка, она универсальный пропуск под все крыши студгородка, на нее кладут деньги, которыми за все расплачиваются на его территории. Это удобно. На территории более десяти только крупных студенческих столовых. Я посетил одну — два этажа в треть футбольного поля каждый, не меньше. А кроме того, есть немало маленьких кафе, магазинчиков.

Приятно удивляет множество спортивных объектов, особенно много баскетбольных площадок. Все спортивные сооружения не пустуют утром, до занятий, и совершенно переполнены вечерами до глубокой ночи. Шумно и весело проходят групповые занятия гимнастикой. Запомнилась одна оригинальная, вероятно, национальная спортивная игра. Играющие становятся в круг и пасуют друг другу мяч с оперением, размер мяча — чуть меньше мяча для большого тенниса. В чем оригинальность игры? Пасы играющие делают пяткой, соответственно, на пятку и принимают мяч. В городке много зелени, преобладают высокие раскидистые ивы, в тени которых на лавочках нежно дружат те, которым не до спорта... Для китайца ива — то же, что для русского береза...

Выступление на конференции состоялось в первый день пребывания в Харбине. Мой доклад был посвящен новым именам в литературе последних пяти-семи лет, я ограничился рассказом об удачных дебютах, о писателях, которые с первой же публикации нашли свое место в коротких листах престижных литературных премий, некоторые из них были объявлены победителями. Говорил, популяризировал А. Понизовского, В. Левенталя, А. Григоренко, Е. Чижова, Г. Яхнину, В. Ремизова. Коллеги слушали, что-то записывали, после выступления задавали вопросы. Признаюсь, в ходе ответов на вопросы я сел в лужу. Это случилось, когда разговор зашел о параллелях в современных национальных литературах. Я же, стыдно сказать, ехал в Китай, не прочитав ни одного современного китайского автора, даже нобелевского лауреата не читал. И это притом, что есть договор, согласно которому в Китае переведено сто русских, а в России — сто ки-

тайских авторов второй половины начала XXI века. О самом договоре узнал от китайцев. О западноевропейской современной литературе мог бы поговорить, а вот о восточной, китайской, нет. Понял, что надо исправляться.

Распорядок работы конференции тот же, что и у нас: пленарное заседание, секции, тот же регламент. Все выступления, за исключением ремарок, реплик в прениях, были на хорошем русском языке, уровень владения речью был выше ожидаемого. Да, выступали преподаватели-русисты со стажем, и все-таки такой уровень я не ожидал здесь найти. Имена исследуемых авторов те же, что и нас — В. Маканин, А. Ким, В. Распутин. Упоминались, но не часто, имена дебютантов конца XX — начала XXI веков — Л. Улицкая, Д. Быков, Е. Водолазкин, А. Волос. Подходы к изучению творчества, как правило, либо культурологические, либо лингвистические. Внимание к лингвоанализу объясняется тем, что большинство выступавших — преподаватели русского языка. Дело в том, что степени китайские русисты получают преимущественно в сфере литературоведения и, надо сказать, это не мешает им очень хорошо усваивать язык, языковые нормы. Высокий уровень усвоения я особенно хорошо прочувствовал на фуршете, представлявшем собой обильный обед.

О китайской кухне скажу несколько слов отдельно. В повседневной жизни китайцы, как мне показалось, ограничиваются достаточно скромной пищей: тарелка риса, салаты, часто острые, из различной зелени, с грибами, по вкусу напоминающими наши опята (в России эти грибы зовутся «древесными»), или что-то в этом роде... Праздничная китайская кухня обильна и многообразна, причем европеец не всегда поймет, что за вкусное блюдо он вкушает — рыбное ли, мясное ли? Свиная под карамельным соусом типа джема — на европейский слух звучит не очень аппетитно, но, поверьте, это вкусно. Думается, погулять — для китайца означает и поесть. Расскажу, что видел из окна гостиницы. Тротуары в Харбине широкие, вечерами, часов с семи, сторона, пограничная с проезжей частью, очень плотно заставляются тележками, пролетками-кухнями с газовыми горелками. Кулинарят чаще мужчины. Много из того, что здесь парится, варится, жарится выглядит очень аппетитно. Громкая музыка сопровождает это ежедневное пиршество явно не самых богатых горожан. Тут же лотки нехитрого товара коробейников — зонтики, тапочки, футболки, обереги. К десяти часам тротуары выметены, все стихает. Ночной жизни в Китае я как-то не заметил, заметил, что активная рабочая жизнь здесь начинается очень рано.

С волнением шел я на первую лекцию в студенческую аудиторию, накануне даже не спалось. Мысли, думы: а ну как не поймут меня магистранты, аспиранты, другие приглашенные на «Открытые лекции: поэзия и проза Серебряного века». А ну как скажут, мол, зря приглашали, зря тратились. Народу на первую лекцию, в уютную аудиторию с интерактивной доской, пришло человек тридцать — тридцать пять. Начинать свое повествование в самом медленном темпе, часто обращаясь к видеотекстам, надо сказать, презентация была подготовлена основательная. Постепенно, по мере осознания, что меня понимают, темп ускорялся. О понимании говорили глаза слушателей, кивания головой, просьбы что-то повторить, а главное — ответы на мои вопросы «по ходу». Разговоры на темы поэзии завершались совместными чтениями стихов, выводимых на экран. Приятно было то,

что от лекции к лекции слушателей становилось все больше, китайцев и русских, преподавателей и не только, все пространнее становились обсуждения прослушанного материала в заключении. В приподнятое настроение примешивалась одна горчинка. Моими слушателями были в основном молодые люди, которые изучали русский язык в течение пяти, максимум семи лет у себя на родине, в Китае. Изучали и добились успеха. Почему же «наши китайцы», обучающиеся в России, в языковой среде, те же пять-семь лет в массе своей не добиваются такого успеха? Не потому ли, что здесь, у себя дома, они изучают язык в основном сквозь призму художественного текста?

Аспект изучения русской литературы в Китае очень широк, причем изучаются не только те авторы, которые, что говорится, «на слуху», но и другие. Получилось так, что на консультациях мне пришлось сложнее, чем на лекциях: из периферийной памяти пришлось доставать давние представления и понимания об антинигилистических сочинениях И. Тургенева, метафорических произведениях Б. Пильняка, громоздких романах И. Шмелева и т.д. Еще заметил: классовый, вульгарно-социологический подход, еще многое определявший в китайском литературоведении лет пятнадцать тому назад, ушел в прошлое. Марксизм-ленинизм здесь еще изучают в студенческой аудитории, но как-то снисходительно: мол, бывало, что и так думали... Можно так сказать: еще зубрит Китай азы «составных частей марксизма», но больше верит Конфуцию.

Интересная, поучительная состоялась командировка в Китайскую народную республику.

Доктор филологических наук
В.А. Мескин